

Предварительные тезисы
из предстоящего доклада А.В.Данилова-Данильяна 26.11.2020
«Бизнес-поведение: добросовестность и смежные понятия»

Лет 10 назад Президент России В.В.Путин на встрече с «Деловой Россией» сказал ставшую крылатой фразу: «Мы не шведы».

Этим постулатом стали "отбивать" любые попытки внедрения разумных правил регулирования бизнес-деятельности, если они по каким-то основаниям не соответствовали господствующим представлениям финансово-экономического или силового блоков российской власти. Дескать, наши люди, и прежде всего – предприниматели, будут в среднем вести себя не так как шведы/европейцы, а потому новое правило, похожее на шведское/европейское, просто не сработает.

Анализируя поведение наших предпринимателей – а я сам какое-то время активно занимался бизнесом, да еще в последние 15 лет активно общался с деловыми людьми разного калибра в рамках своей общественной деятельности в Деловой России, ТПП и РСПП, – можно сделать вывод, что главным признаком этой "непохожести на шведов" в бизнес-поведении россиян является постоянно проявляющаяся (редко по-крупному, но очень часто – в мелочах) недобросовестность.

О недобросовестности русских купцов и промышленников писали как отечественные, так и иностранные авторы, начиная со средних веков. И это отнюдь не только русская особенность бизнес-поведения, а универсальная черта участников рыночных правоотношений во всех странах, но только с разной степенью доминирования. Извлечение материальной выгоды из сделки толкает обе ее стороны на недобросовестное поведение, а сдерживающими факторами выступают знание норм закона, жесткость правоприменения, этические, культурные и религиозные традиции, цеховые и корпоративные принципы, обычаи делового оборота.

В Европе сдерживающие факторы оказались гораздо сильнее, чем в России, причем переходный период от советской командно-административной системы к рыночной экономике, характеризовавшийся хаотичным «бегством» государства с ранее занимаемых им позиций, сменой работы у миллионов граждан страны и повсеместной неуверенностью в завтрашнем дне, привел к масштабному ослаблению этих и без того не самых сильных сдерживающих факторов. Бизнес-поведение того времени насквозь пронизывала философия: «зачем платить, если можно не платить?», и это было

по отношению к другим участникам рынка, собственным сотрудникам, налоговым органам и пр.

В последние примерно 25 лет ситуация стала меняться. Можно констатировать, что добросовестное поведение стало даже превалировать. Обелить свою деятельность хотят всё большее количество предпринимателей. Однако укрепление сдерживающих факторов происходит очень неравномерно. Одна из причин, на наш взгляд, - отсутствие четко сформулированной цели, того идеального состояния, к которому надо стремиться.

В российском законодательстве нет определения термину "добросовестность". Это, если можно так выразиться, аксиоматический, неопределяемый термин, интуитивно понимаемый, пришедший в право из этики, но очень широко используемый как в нормативных правовых актах, так и соответственно в решениях судов и обзорах судебной практики (более 8 тысяч упоминаний).

Поэтому говорят не об определении, а скорее о понимании, что такое добросовестность.

Узкое понимание добросовестности - извиняющее незнание субъектом обстоятельств нарушения права. Это понимание вытекает из определения, данного в словаре Брокгауза и Ефона: «добросовестность означает субъективное состояние лица при совершении юридических актов, его неосведомленность об обстоятельствах, опорочивающих внешнюю или внутреннюю правомерность акта и могущих заставить честного в юридическом смысле человека отказаться от его совершения, несмотря на отсутствие формальных к тому препятствий». В этом понимании добросовестность ближе к этическим понятиям честности и искренности.

Широкое понимание: добросовестность – это принцип, помогающий установить пределы осуществления субъектами принадлежащих им гражданских прав, а также восполнить пробелы в законодательстве (Большой юридический словарь). Причем добросовестность здесь выступает в неразрывной связи с понятиями разумности и справедливости. С первым еще можно согласиться, тем более что оно вместе с добросовестностью идет в паре и в тексте ГК РФ (ч.5 ст.10), а вот со вторым – точно нет. Справедливость – слишком индивидуальна, персонифицирована, а в общечеловеческом смысле – слишком размытое, непостоянное понятие. Даже для одного и того же человека то, что кажется несправедливым сейчас, может оказаться нормальным, справедливым через несколько лет. Невозможно прийти к консенсусу в спорах о социальной справедливости, недаром в европейской

политической практике говорят о социальной солидарности, а не о социальной справедливости.

В рассуждениях о добросовестности наряду с вышеупомянутыми понятиями используются такие, как:

- 1) законопослушность - уважительное отношение субъекта права к закону, соблюдение его предписаний;
- 2) правомерность - соответствие поступка формальным нормам права;
- 3) ответственность - право и обязанность отвечать за свои поступки, действия, их последствия, взятые на себя обязательства;
- 4) добродетельность – способность всегда получать крайне позитивную оценку со стороны общества за свой образ жизни и проявленные добродетельные качества личности;
- 5) достоинство – совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности этих свойств и уважения к себе;
- 6) доверие - уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-либо и основанное на этом отношение к кому-либо.

Вся эта совокупность понятий универсальна и имеет отношение к добросовестному поведению любого человека, а не только предпринимателя. Бизнес-поведение в этом смысле никак не отличается от поведения представителей других слоев общества. Меняются только ожидания: применительно к предпринимателям ожидание от них недобросовестных поступков гораздо выше, чем, скажем, от деятелей науки или культуры, но все же не такое высокое, чем от уголовников-рецидивистов. Но для того, чтобы ожидать, а тем более требовать от бизнеса добросовестного поведения, прежде всего надо четко определить этот термин на уровне права, а не этики.

Но ни в Конституции, ни в принятых в нее поправках слова добросовестность нет. Нет и в налоговом законодательстве.

Для предпринимателей самый главный после Конституции и Налогового кодекса закон – это Гражданский кодекс. Вот он использует термин "добросовестность". Но определения опять же не дает, хотя количество упоминаний в ГК РФ этого слова выросло после внесения существенных изменений в 2012 году.

Мы полагаем, что добросовестность бизнес-поведения – это осознанная и добровольно принимаемая на себя предпринимателем обязанность

руководствоваться ему известными общепринятыми нравственными ценностями и нормами права.

Было бы неплохо закрепить примерно такое определение в законодательстве. Всё-таки – хоть какой-то ориентир, если уж невозможно выработать единый стандарт, единую модель добросовестного бизнес-поведения.

Понятно, что в разных обществах нравственные ценности и нормы права могут сильно отличаться, соответственно и добросовестное поведение бизнесмена может выглядеть и оцениваться неодинаково. Такая же неоднозначность присутствует и в многонациональных, и в многорелигиозных странах. Это сильно затрудняет квалификацию каждого конкретного бизнес-поведения – добросовестное оно или нет.

Оценивать поведение предпринимателя на добросовестность в конечном счете должны судьи, однако лучше всего это получается у других таких же предпринимателей, прекрасно разбирающихся в бизнес-реалиях. Недаром в общественных объединениях бизнеса возникают комиссии по этике, в отраслевых союзах и ассоциациях делаются попытки внедрения корпоративных стандартов, «лучших практик», хартий добросовестности, а в лидирующих компаниях разрабатываются кодексы экологической, социальной и корпоративной ответственности. Можно констатировать, что российский бизнес всё более готов вести себя добросовестно.

Однако эту готовность государство может подкрепить различными стимулами.

Первое. Добросовестно должны себя вести не только предприниматели, но и представители государственных служб, в первую очередь - следственных, контрольных, надзорных и судебных органов. К сожалению, нет существует результатов опросов, чего больше – дачи взяток или вымогательства взяток. Но в любом случае, это действие двустороннее. И если государственная сторона будет вести себя более добросовестно, то и бизнес-поведение вынужденно будет также перестраиваться в этом направлении. Рецепт тут известен – повышать жалование и социальную защищенность соответствующих государственных служащих. Причем, чем больше плотность бизнеса в стране, доверие между слоями общества и добросовестность поведения, тем проще решать эту задачу.

Второе. Должна существенно возрасти о роль потребителя/заказчика в формировании добросовестного поведения бизнеса. И в этой сфере государство также должно показать пример. В частности, должны быть разосланы четкие директивы представителям государства в советах

директоров подконтрольных государству компаний, корпораций, и их ДЗО, ориентирующие все звенья таких групп на закупку продукции/услуг в первую очередь у тех поставщиков, которые ведут себя добросовестно. В частности, не используют сомнительные схемы налоговой оптимизации. В противном случае добросовестное поведение обеляющихся компаний из-за роста у них издержек (в первую очередь – налоговых) будет наказываться проигрышем на торгах. Их же, без соответствующих директив территориальным инспекциям будут в первоочередном порядке докучать налоговыми проверками («искать под фонарем проще, чем в темноте»). Все должны соблюдать закон, но нет возможности проверить всех, соответственно требуют уточнения правила отбора тех, кого надо проверять. Суть директивы – запрет на проверки обеляющихся компаний в течение 3 лет (срок исковой давности по налоговым долгам и другим нарушениям).

Третье. Следует отличать добросовестность владельцев бизнеса от добросовестности менеджмента. В последнее время распространяется практика предъявления субсидиарной ответственности владельцев бизнеса в случае недобросовестного поведения контролируемых ими организаций. Должны быть уточнены критерии такого предъявления.

Четвертое. Необходимо стимулировать деятельность отраслевых союзов добросовестных участников рынков. РАДО.

Практики, которые такие союзы и РАДО в целом признают недобросовестными должны или пресекаться, или хотя бы осуждаться. Добросовестно ли ведут себя компании-операторы ФНС по самозанятым, направляя рекламу своих услуг по налоговой оптимизации и хвалясь тем, что они уполномочены ФНС? Их формально правомерные действия очевидно недобросовестны.

Анекдот про суровую реальность: «Врачу выгодно, когда вы болеете. Юристу хорошо, когда вы попали в беду. Автослесарь радуется, когда ваша машина сломалась. Полиция довольна, если вы оказались преступником. И лишь вор желает вам достатка и благополучия!»

Итак, кому выгодна ваша добросовестность? Мудрому государству; всем партнерам и контрагентам; недобросовестным конкурентам, если таких как вы – мало.

А кому невыгодна? Недобросовестным конкурентам, если таких как вы – много. Но главное - контролерам и силовикам!

Понятна задача – да. Метод решения тоже ясен. Но вот тут уж без политической воли точно никак.